

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.011

А.А. Матюхин*

В.С. Комаров**

Б.А. Ревнов***

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ УЧРЕДИТЕЛЯ (УЧАСТНИКА) ЧАСТНОЙ ОХРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

***Аннотация.** В статье раскрывается суть некоторых ограничений, связанных со статусом учредителя (участника) частной охранной организации, а также влияние несоблюдения этих ограничений на саму организацию. Анализируется законодательный подход к нормативному регулированию в этой области, а также исследуется судебная практика, посвященная этому вопросу. Выдвигаются предложения по улучшению нормативного регулирования в данном вопросе.*

Авторы приходят к выводу, что поскольку охранная деятельность сопряжена с применением физической силы, а иногда и оружия, возможность создания собственных охранных подразделений создавала риски для использования коммерческими организациями таких подразделений не только для обеспечения безопасности своей хозяйственной деятельности, но и для воздействия на конкурирующие организации. Согласно Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности» от 22 декабря 2008 года № 272-ФЗ (ред. от 03.07.2016) создание собственных охранных подразделений стало невозможным.

***Ключевые слова:** участник (учредитель) частной охранной организации, частная охранная организация, статус участника (учредителя) частной охранной организации, ограничения для участника (учредителя) частной охранной организации, «основной вид деятельности» как термин, основной вид деятельности у физического лица.*

В теории гражданского права сложилось четкое понимание того, что государственные органы и органы местного самоуправления не имеют права участвовать от своего имени в хозяйственных товариществах и обществах. Учреждения могут быть участниками хозяйственных обществ и вкладчиками в товариществах на вере с разрешения собственника имущества учреждения, если иное не установлено законом.

* Матюхин Анатолий Алексеевич, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: amatyukhin200@yandex.ru

** Комаров Владимир Сергеевич, доцент кафедры гражданского права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент // ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6990-2588>. E-mail: wladskom@mail.ru

*** Ревнов Борис Александрович, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент // ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6668-6760>. E-mail: akziz07@yandex.ru

Следует отметить, что в Российской Федерации не так много сфер, где были бы ограничения на участие тех или иных субъектов в хозяйственных обществах и, как правило, всегда подобные ограничения обусловлены уникальной спецификой деятельности таких обществ. Так, в частности ограничения на участие установлены для учредителей (акционеров, участников) кредитного рейтингового агентства [12, ч. 1 ст. 6], страховой медицинской организации [8, ч. 2 ст. 14], микрофинансовой организации [14, ч. 1 ст. 4.3], акционеров (участников) ломбарда [13, ч. 1 ст. 2.2], учредителей (участников) организатора торговли [9, ч. 1 ст. 7], учредителем (соучредителем) средства массовой информации [5, ст. 7] и некоторых других.

Подобные ограничения содержит и Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», который определяет закрытый перечень субъектов, которые не могут являться учредителями (участниками) частной охранной организации: общественные объединения; физические и (или) юридические лица, не соответствующие требованиям, указанным в части четвертой статьи 15¹ названного Закона; граждане, состоящие на государственной службе либо замещающие выборные оплачиваемые должности в общественных объединениях; граждане, имеющие судимость за совершение умышленного преступления, а также юридические лица, в составе учредителей (участников) которых имеются указанные лица; иностранные граждане, граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства, лица без гражданства, иностранные юридические лица, а также организации, в составе учредителей (участников) которых имеются указанные граждане и лица, при отсутствии соответствующего международного договора Российской Федерации [6].

Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности» в первоначальной редакции не ограничивал круг субъектов, которые вправе быть участниками (учредителями) частных охранных предприятий и не устанавливал требований к деятельности учредителей (участников) таких предприятий. При этом статья 14 названного Закона допускала создание предприятиями любых организационно-правовых форм обособленных подразделений для осуществления охранно-сыскной деятельности в интересах безопасности учредителя. Данная норма позволяла коммерческим организациям создавать собственные «службы безопасности», деятельность которых была им полностью подконтрольна. Поскольку охранная деятельность сопряжена с применением физической силы, а иногда и оружия, возможность создания собственных охранных подразделений создавала риски для использования коммерческими организациями таких подразделений не только для обеспечения безопасности своей хозяйственной деятельности, но и для воздействия на конкурирующие организации [6].

В новой редакции названного Закона создание собственных охранных подразделений стало невозможно [10, ст. 2]. Согласно действующей редакции Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» оказание охранных услуг осуществляется только специально учрежденными для этих целей обществами с ограниченной ответственностью, а для учредителей (участников) таких обществ, данный вид деятельности должен быть основным [6, ч. 1 ст. 15.1]. Вместе с тем для юридических лиц, осуществляющих иную деятельность, кроме охранной, законодатель отдельно оговорил возможность учреждения частной организации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации [15], при этом, хотя в данном Положении речь идет именно об «учрежде-

нии» охранных организаций, действие соответствующего постановления Правительства Российской Федерации по смыслу закона должно распространяться и на случаи участия юридического лица в охранной организации.

Однако на граждан такой порядок, как представляется, распространен быть не может в силу прямого указания в законе именно на учредителей-юридических лиц. Такое юридическое лицо должно являться стратегическим предприятием, стратегическим акционерным обществом, субъектом естественных монополий, государственной корпорацией или государственной компанией или войсковым казачьим обществом, а также обосновать необходимость учреждения охранной организации [15, п. 2, 3]. Названные ограничения в отношении учредителей (участников) охранных организаций были установлены с целью воспрепятствования созданию и деятельности аффилированных охранных структур, а также использованию охранных организаций вопреки целям охранной деятельности [39]. Вместе с тем, само по себе данное регулирование содержит неопределенность, не позволяющую, однозначно определить круг субъектов, которые не могут являться учредителями (участниками) частной охранной организации.

Есть смысл раскрыть данный вопрос более подробно. В юридической литературе указывается на неопределенность установленных ограничений для учредителей (участников) частных охранных организаций, причем авторы предлагают различные интерпретации. Например, отмечается неопределенность понятия «основной вид деятельности» и предлагается основным видом деятельности коммерческой организации считать тот, который имеет наибольшую значимость в общем объеме услуг по итогам года; поскольку корпоративная охранная организация учреждается гражданином только для оказания охранных услуг, то процесс их оказания и будет являться для него основным видом деятельности [43, 44]. Есть и другие примеры, когда отмечается неясность данного понятия для физических лиц и предлагаются варианты его истолкования [42]. Немногочисленные комментарии Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», как правило, не содержат толкования второго предложения части четвертой [40].

Буквальное прочтение и грамматическое толкование части четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности» (на которую содержится ссылка в пункте 2 части пятой данной статьи, устанавливающей круг лиц, которые не могут быть учредителями (участниками) частной охранной организации) приводит к выводу, что данная норма устанавливает требования к учредителям (участникам) частной охранной организации – юридическим лицам.

Так, в первом предложении речь идет о невозможности создания частной охранной организации как дочернего общества организацией, осуществляющей иную деятельность, кроме охранной. Третье предложение устанавливает, что право учреждения частной охранной организации юридическим лицом, осуществляющим иную деятельность, кроме охранной, может быть предоставлено при наличии достаточных оснований в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. В четвертом предложении речь идет о филиалах частной охранной организации. При таком построении данной нормы логично предположить, что ее второе предложение – «Для учредителя (участника) частной охранной организации данный вид деятельности должен быть основным» – также адресовано юридическим лицам, а не гражданам, и тогда понятие «вид деятельности» приобретает достаточно опре-

деленные очертания. Однако названный вид толкования не соответствует тому смыслу нормы, который придается ей сложившейся правоприменительной практикой.

Строго говоря, положение части четвертой статьи 15.1 указанного Закона Российской Федерации содержит понятия, наполнение которых в силу действующего законодательства не может быть раскрыто в отношении гражданина, не осуществляющего предпринимательскую деятельность – «вид деятельности» и «основной вид деятельности» [6].

В Российской Федерации действует Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. Классификатор используется, в том числе, при решении задач, связанных с классификацией и кодированием видов экономической деятельности, заявляемых хозяйствующими субъектами при регистрации, а также определением основного и дополнительных видов экономической деятельности, осуществляемых хозяйствующими субъектами [17].

Указание на необходимость регистрации хозяйствующих субъектов, рассматриваемое в системе действующего правового регулирования, в частности с учетом положений Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [11, ст. 5, 7.1, 22.2], позволяет прийти к выводу, что указанная классификация видов экономической деятельности и их деление на основные и дополнительные применимы лишь к тем хозяйствующим субъектам, которые зарегистрированы в качестве таковых в установленном законом порядке в виде юридического лица или индивидуального предпринимателя. Так, в Единый государственный реестр юридических лиц и Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей вносятся сведения о видах экономической деятельности лица по указанному Общероссийскому классификатору, в числе которых выделяется основной вид деятельности и (при их наличии) дополнительные виды деятельности.

Также можно отметить, что для целей установления страховых тарифов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний были разработаны Правила отнесения видов экономической деятельности к классу профессионального риска, согласно которым [16] основным видом экономической деятельности коммерческой организации является тот вид, который по итогам предыдущего года имеет наибольший удельный вес в общем объеме выпущенной продукции и оказанных услуг; основным видом экономической деятельности некоммерческой организации является тот вид, в котором по итогам предыдущего года было занято наибольшее количество работников организации; основным видом экономической деятельности страхователя – физического лица, нанимающего лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, соответствует основному виду деятельности, указанному в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей.

По отношению к гражданину – физическому лицу действующее гражданское законодательство не устанавливает обязанности определения такого понятия как «основной вид его деятельности». При этом очевидно, что понятие «основное место работы», определяемое с учетом положений Трудового кодекса Российской Федерации, не является тождественным.

Между тем, Гражданский кодекс Российской Федерации [3, п. 5 ст. 66] и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» [7, п. 1 ст. 7] наде-

ляют возможностью быть участниками общества как граждан, так и юридических лиц. Данные положения, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования, позволяют прийти к выводу, что любой гражданин, становясь участником общества с ограниченной ответственностью, приобретает данный статус именно как физическое лицо, т.е. вне взаимосвязи со статусом индивидуального предпринимателя.

При этом необходимо учитывать и различный характер деятельности, осуществляемой гражданином как физическим лицом и как индивидуальным предпринимателем. Предпринимательская деятельность – это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [3, п. 1 ст. 2]. В принципе такое определение предпринимательской деятельности (в частности, критерий систематичности) предполагает довольно высокую степень вовлеченности лица в ее осуществление. Однако это не означает, что данная деятельность для гражданина является основной. При оценке таких критериев как трудозатраты, время, уровень дохода и прочее, возможно основной деятельностью гражданина будет являться, например, трудовая деятельность.

Участие в обществе с ограниченной ответственностью само по себе не может расцениваться в качестве предпринимательской деятельности; оно относится к иной не запрещенной законом экономической деятельности [18, п. 4.2; 20, п. 2.2]. Более того, участие в обществе с ограниченной ответственностью, по сути, может не являться каким-то активным видом деятельности. Фактически это набор определенных прав участника общества, которые он время от времени реализует, как правило, на очередных или внеочередных собраниях общества. Участник общества может не принимать активного участия в текущей деятельности общества, для этого существует руководство (менеджмент) общества.

Коммерческая же организация является самостоятельным субъектом права, отличным от ее участников. Основой конституционно-правового статуса участников хозяйственных обществ служит право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; при этом деятельность акционеров (участников) не является предпринимательской (она относится к иной не запрещенной законом экономической деятельности) – предпринимательскую деятельность осуществляют не участники как таковые, а сама организация [18, п. 4.2].

Таким образом, участие в уставном капитале коммерческой организации само по себе не может расцениваться в качестве предпринимательской деятельности. Следовательно, вызывает определенные теоретические вопросы толкование, при котором отождествляется деятельность организации и ее участников, особенно с предъявлением к последним требования о том, что для участника частной охранной организации данный вид деятельности должен быть основным, поскольку охранная деятельность осуществляется не участником, а самой организацией.

Кроме того, ограничения, вытекающие из части четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», затрагивают не только право на осуществление иной экономической деятельности, но на свободный выбор рода деятельности и профессии [1, ч. 1 ст. 37; 41], и на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности гражданами, являющихся

учредителями (участниками) охранных организаций [1, ч. 1 ст. 34; 41]. Названное регулирование создает препятствия для учредителей таких организаций заниматься иной деятельностью (индивидуальной предпринимательской или трудовой).

Соответственно, в ситуации, когда юридическое лицо не может заниматься частной охранной деятельностью по причине осуществления участником иного вида деятельности, перед таким участником стоит выбор: прекращать индивидуальную предпринимательскую (или иную) деятельность или прекращать охранную деятельность юридического лица. Вместе с тем, в пользу того факта, что в данном случае ограничено право гражданина на осуществление экономической деятельности путем создания юридического лица говорит то, что неблагоприятные последствия в виде привлечения к административной ответственности и приостановления лицензии несет именно юридическое лицо, а самому учредителю (участнику) – физическому лицу ничто не препятствует продолжать свою предпринимательскую деятельность или работу по трудовому договору, т.е. ограничиваются его права как участника юридического лица, а не как индивидуального предпринимателя или работника.

Если посмотреть на вырисовывающуюся картину с ракурса юридического лица, ситуация предстает в ещё одном интересном ключе. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации среди прочего устанавливает, что при рассмотрении дела о привлечении к административной ответственности арбитражный суд в судебном заседании устанавливает, имеются ли основания для привлечения к административной ответственности лица, в отношении которого составлен протокол об административном правонарушении [2, ч. 6 ст. 205]. При этом Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях прямо предусматривает, что юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых названным Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению [4, ч. 2 ст. 2.1].

Однако теоретически частной охранной организации грозит возможность привлечения к административной ответственности (за осуществление предпринимательской деятельности с нарушением требований и условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией) [4, ч. 3 ст. 14.1]) за то, что один из её участников (учредителей), то есть юридически другой субъект, является, к примеру, также учредителем иного юридического лица, основным видом деятельности которого не является охранная, либо является индивидуальным предпринимателем.

Между тем законодательство Российской Федерации, в том числе Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», не содержит норм, позволяющих обществу с ограниченной ответственностью обязывать своих участников отчуждать свою долю, или иным образом прекращать свое участие в таком обществе, напротив, правоотношения общества и его участников фактически носят характер подчиненности общества воле его участников, обязательности решений участников для общества.

Примерно с таким ворохом проблем придется столкнуться конкретному правоприменителю, при разрешении вопроса. Любой анализ нормы был бы не полны без изучения её толкования, используемого в правоприменительной практике.

Применительно к гражданам-учредителям (участникам) охранных организаций, установленное частью четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации

«О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» требование осуществлять охранную деятельность в качестве основного вида деятельности судами, как правило, интерпретируется как запрещающее гражданину заниматься какой-либо деятельностью, кроме охранной.

Так, в отношении охранной организации уполномоченным органом было вынесено предписание об устранении нарушения лицензионных требований выразившихся в том, что учредитель данной организации одновременно является учредителем общества с ограниченной ответственностью и общественной организации, не осуществляющих охранную деятельность [27]. Верховный Суд Российской Федерации констатировал законность данного предписания и подтвердил выводы нижестоящих судов о том, что гражданин-учредитель (участник) охранной организации не должен заниматься иной, кроме охранных услуг, деятельностью.

Такой подход можно назвать устоявшимся в практике нижестоящих арбитражных судов, что подтверждается следующими примерами.

Арбитражный суд Уральского округа отменил решения нижестоящих судов и признал законным решение уполномоченного органа об отказе в переоформлении лицензии частной охранной организации. Данный отказ был связан с нарушением охранной организацией лицензионных требований, которое выразилось в том, что ее учредитель является учредителем иных организаций, а также зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя [33].

Определением Верховного Суда Российской Федерации заявителю по делу отказано в передаче кассационной жалобы заявителя для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации [28]. При этом суды первой и апелляционной инстанций отмечали, что участие в качестве учредителя в иных организациях и наличие статуса индивидуального предпринимателя не имеют значения для установления того, является ли для гражданина охранная деятельность основной. Суды также указали на неопределенность положений части четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», поскольку в отношении гражданина, являющегося учредителем (участником) охранной организации, понятие «основной вид деятельности» в рассматриваемых правоотношениях не применимо, а понятие «основной вид деятельности физического лица» в законодательстве не раскрывается [34].

Решением Арбитражного суда Краснодарского края частная охранная организация была привлечена к административной ответственности, предусмотренной в части 3 статьи 14.1 КоАП Российской Федерации в виде предупреждения, поскольку единственный учредитель данной организации (гражданин) также работает заместителем генерального директора в акционерном обществе, основным видом деятельности которого является производство минеральных тепло- и звукоизоляционных материалов и изделий [38]. Суд установил, что основным видом деятельности гражданина-учредителя охранной организации является не осуществление частной охранной деятельности, как это установлено частью четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», а осуществление (в качестве руководителя) производства минеральных тепло- и звукоизоляционных материалов и изделий.

С привлечением к административной ответственности охранной организации по части 3 статьи 14.1 КоАП Российской Федерации при тех же обстоятельствах (для

учредителя общества частная охранная деятельность не является основной) согласился и Арбитражный суд Западно-Сибирского округа [31].

Арбитражный суд Дальневосточного округа согласился с привлечением охранной организации к административной ответственности, поскольку она допустила нахождение в составе своих учредителей физическое лицо, которое на момент проверки являлось учредителем иных организаций, коды и наименования видов деятельности которых не содержали однозначного вывода о том, что их виды деятельности не имеют своей целью извлечение прибыли [29]. Тот же суд посчитал законным привлечение охранной организации к административной ответственности, поскольку ее учредитель работал в должности сварщика-монтажника в иной организации, что было расценено как осуществление иной, а не охранной деятельности в качестве основной [30].

Следует отметить, что в судебной практике обнаруживается и иной подход. В частности, судами указывается следующее [36, 37]:

- создание гражданином-учредителем охранной организации иного юридического лица и участие в нем не запрещены частью четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности»;
- толкование данного положения также не позволяет вывести подобный запрет;
- отсутствуют основания для отождествления понятий основного вида деятельности гражданина и учреждения юридического лица (участия в нем).

Следует отметить, что в практике данного суда существуют и противоположные решения, в которых нарушением части четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности» было признано то, что учредитель охранной организации является также учредителем ряда общественных объединений [35].

Из приведенных судебных решений также следует, что к административной ответственности за несоблюдение ограничения, установленного частью четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», привлекается сама охранная организация (за нарушение лицензионных требований), а не сами участники (учредители) такой организации. Такую несогласованность отметил Арбитражный суд Поволжского округа, который признал незаконным предписание об устранении нарушения лицензионных требований, выданное частной охранной организации. Арбитражный суд подчеркнул, что предписание должностного лица, содержащее законные требования, должно быть реально исполнимо и содержать конкретные указания, четкие формулировки относительно конкретных действий, которые необходимо совершить исполнителю, и которые должны быть направлены на прекращение и устранение выявленного нарушения, однако в рассматриваемом случае исполнение предписания зависит не от охранной организации, а от ее учредителя [32]. Таким образом, можно признать, что суды, как правило, однозначно понимают установленные ограничения для учредителей (участников) частных охранных организаций. Отдельные судебные решения, в которых им придается противоположное толкование, представляют собой исключения, не получившие поддержки в практике иных судов.

Несколько проясняет ситуацию практика Конституционного Суда Российской Федерации, который, после ряда определений [24] об отказе в принятии к рассмотрению жалоб по формальным основаниям, вынес содержательное определение [21, п. 2.1], разрешившее ряд поставленных вопросов, в частности, сделав акцент, что из

конституционных гарантии свободы экономической деятельности [1, ч. 1 ст. 8; 41] и право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [1, ч. 1 ст. 34; 41] вытекает не только право гражданина на свободный выбор деятельности, но и его согласие на определенные ограничения, если выбранная им деятельность обладает особой спецификой, и её осуществление урегулировано специальными нормами. Проще говоря, участник (учредитель) частной охранной организации, подобно государственным гражданским служащим [19, п. 3] или судьям [26, п. 2] самостоятельно и добровольно соглашается с ограничениями той работы, той деятельности, которую добровольно выбирает. При этом используемое в норме понятие «основной вид деятельности», с учетом отсутствия его легальной дефиниции, было отнесено к оценочным, что само по себе не свидетельствует о недопустимости, либо порочности подобного регулирования, с учетом того, что в каждом конкретном случае итоговое наполнение данного понятия определяет правоприменитель (по аналогии с понятием малозначительности [4, ст. 2.9], к примеру [22; 23; 25, п. 2 ч. 25]).

Вопрос же о возможностях общества предпринять действия, направленные на исполнение вмененных публично правовых обязанностей также получил обобщающее разъяснение, в том числе, через признание очевидной фактической зависимости воли самого общества от воли его участников. Ведь, если допустить возможность перекидывание подобного «мостика» между двумя формально различными и самостоятельными категориями субъектов (само общество и его учредители), то механизм воздействия вырисовывается в виде возможности других учредителей (участников) частной охранной организации, доли которых в совокупности составляют не менее чем десять процентов уставного капитала общества, в судебном порядке требовать исключения из общества того учредителя (участника), который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет (избегает отказа от другой основной деятельности или, в рамках своего выбора, уклоняется от выхода из состава учредителей (участников) общества) [7, ст. 10]. Соответственно, бездействие других участников в этой связи косвенно подтверждает их отношение к соблюдению, вернее, к несоблюдению другим участником установленных ограничений, в результате которых страдает само общество, выгодоприобретателями от действий которого они, в конечном счете, являются (на практике). Если же у такого общества один участник (учредитель), то опять же на практике их волеизъявления в принципе не могут расходиться, соответственно, и негативные последствия от принятия любых решений, пусть и пропорционально, но ложатся на обоих субъектов.

По сути своей подобный вид толкования уже использовался судами ранее, но без расшифровки собственно в судебных решениях связи участника и самого общества.

Вместе с тем, сама по себе конституционная допустимость установленного регулирования и возможность, путем сложного толкования и анализа правоприменительной практики уяснить отсутствие неопределенности в вопросе о наличии конкретных ограничений для участников (учредителей) частных охранных организаций не означает, что ныне действующее урегулирование нельзя усовершенствовать, оставив без изменений суть вопроса, однако изложив установленные требования более просто и понятно.

С учетом специфики деятельности, Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности» и так предусматривает достаточно ограни-

чений и для работников частной охранной организации [6, ст. 12] и для её руководителя [6, ч. 7 и 8 ст. 15.1], а потому в этой связи ограничения для участников (учредителей такой организации не выходя чем-то неожиданным, несоизмерным, либо не укладывающимся в «генеральную линию». При этом, к примеру, для ограничения для руководителя частной охранной организации напрямую затрагивают его конституционное право на труд, устанавливая запрет на занятие любой деятельностью по трудовому договору, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности.

Таким образом, к примеру, если бы часть четвертая статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», вернее даже не вся данная норма, а только второе предложение абзаца было бы переработано таким образом, чтобы установить четкий запрет осуществление учредителем (участником) частной охранной организации какой-либо иной предпринимательской или трудовой деятельности, вкуче с запретом на участие в любых иных юридических лицах, безотносительно от их организационно-правовой формы – разрешение многих вопросов не требовало бы столь глубокого анализа норм и столь сложного толкования.

Подобный категорический запрет приведен в качестве примера, все же представляется, то, не смотря на всю специфику деятельности, столь суровые ограничения были бы излишними. Более уместным и целесообразным было бы по аналогии с ограничениями, наложенными на руководителя частной охранной организации, установить общий запрет на замещение государственных должностей Российской Федерации (субъектов Российской Федерации), должностей государственной (муниципальной) службы, выборных оплачиваемых должностей в общественных объединениях, а также вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением осуществления им научной, преподавательской и иной творческой деятельности [6, ч. 8 ст. 15.1] – уж если эти виды деятельности разрешены руководителю частной охранной организации, странно было бы запрещать их для участников (учредителей) такой организации. При этом запрет на участие в любых иных юридических лицах также следовало бы прописать более определенно.

Иными словами, предложение второе из части четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности» можно было бы исключить, а в часть восьмую после слова «Руководитель» добавить, поставив запятую «Учредитель (участник)». Также, дополнить часть восьмую отдельным предложением о запрете на участие учредителей (участников) частной охранной организации в любых иных юридических лицах, безотносительно организационно-правовой формы последних.

Вызывает вопросы целесообразность отдельного упоминания в законе о механизме воздействия «добросовестных» участников (учредителей) на нерадивого, занимающегося ещё каким-либо видом деятельности, который может быть признан судами основным (создавая тем самым, с учетом сложившейся правоприменительной практики, основание для негативных последствий для всей охранной организации). С одной стороны механизм теоретически выводится из положений Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [7, ст. 10], с другой стороны, с учетом опять же правоприменительной практики, видимо, этот механизм неочевиден, и отдельное подчеркивание подобной возможности, вместе с однозначным закреплением распределения ответственности представляется не лишним.

Поменяют ли предложенные изменения что-то радикально в уже существующем регулировании. Радикально – пожалуй, нет. Однако снимется весомая часть и теоретических и практических вопросов, связанных как со статусом учредителя (участника) частной охранной организации, так и с правовым положением самой такой организации. Да и определенности в правоотношениях предложенные изменения добавят, сделав установленные проще для понимания, без необходимости изучения весомого массива правоприменительной практики.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
5. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета, 1992, 8 августа.
6. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета, 1992, 30 апреля.
7. Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
8. Федеральный закон от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 49. – Ст. 6422.
9. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 325-ФЗ «Об организованных торгах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6726.
10. Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6227.
11. Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3431.
12. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 222-ФЗ «О деятельности кредитных рейтинговых агентств в Российской Федерации, о внесении изменения в статью 76.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4348.
13. Федеральный закон от 19 июля 2007 года № 196-ФЗ «О ломбардах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31. – Ст. 3992.
14. Федеральный закон от 2 июля 2010 года № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 27. – Ст. 3435.

15. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 февраля 2010 года № 82 «Об утверждении Правил предоставления права учреждения частной охранной организации юридическим лицом, осуществляющим иную деятельность, кроме охранной») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 9. – Ст. 972.

16. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2005 года № 713 «Об утверждении Правил отнесения видов экономической деятельности к классу профессионального риска») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 50. – Ст. 5300.

17. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) ОК 029-2014 (КДЕС. Ред. 2) (принят и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 января 2014 года № 14-ст) // <https://classifikators.ru/okved>.

18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 34-П по делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 1. – Ст. 78.

19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 года № 14-П по делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 28. – Ст. 4261.

20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2010 года № 11-П по делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.И. Гущина // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 23. – Ст. 2934.

21. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2021 года № 2115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью Частное охранное предприятие «Скала» на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 15.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 6 декабря 2021 года).

22. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 года № 1127-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванюты Юрия Пантелеевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 15.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 7 декабря 2021 года).

23. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 года № 2369-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Пустовой Любови Николаевны на нарушение ее конституционных прав частями четвертой и шестой статьи 15.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 7 декабря 2021 года).

24. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2020 года № 813-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шепеля Андрея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 15.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Фе-

дерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 7 декабря 2021 года).

25. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2018 года № 1650-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьей 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пунктом 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 8 декабря 2021 года).

26. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 года № 191-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Королевой Александры Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав статьей 13 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 7 декабря 2021 года).

27. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2019 года № 303-ЭС19-15254 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

28. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2018 года № 309-КГ18-18623 по делу № А76-21713/2017 / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации // <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

29. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 апреля 2021 года № Ф03-585/2021 по делу № А51-13256/2020 // Официальный сайт Арбитражного суда Дальневосточного округа // <https://fasdvo.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

30. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22 июля 2011 года № Ф03-3109/2011 // Официальный сайт Арбитражного суда Дальневосточного округа // <https://fasdvo.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

31. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 сентября 2020 года № Ф04-3593/2020 по делу № А70-659/2020 // Официальный сайт Арбитражного суда Западно-Сибирского округа // <https://faszso.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

32. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 9 августа 2017 года № Ф06-23140/2017 // Официальный сайт Арбитражного суда Поволжского округа // <https://faspo.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

33. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23 июля 2018 года № Ф09-4190/18 // Официальный сайт Арбитражного суда Уральского округа // <https://fasuo.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

34. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2018 года № 18АП-3086/2018 // Официальный сайт Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда // <https://18aas.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

35. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 июля 2018 года № 13АП-14068/2018 // Официальный сайт Тринадцатого арбитражного апелляционного суда // <https://13aas.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

36. Решение Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 ноября 2018 года № 13АП-23075/2018 // Официальный сайт Тринадцатого арбитражного апелляционного суда // <https://13aas.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

37. Решение Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 марта 2018 года № 13АП-889/2018 // Официальный сайт Тринадцатого арбитражного апелляционного суда // <https://13aas.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

38. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 6 июня 2016 года по делу № А32-13469/2016 // Официальный сайт Арбитражного суда Краснодарского края // <https://krasnodar.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

39. Пояснительная записка к Законопроекту № 495510-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности (по вопросу частной охранной и детективной деятельности)» // СОЗД Государственной Думы Российской Федерации // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/495510-4> (дата обращения: 01.12.2021).

40. Ермолаев А.В., Копылова Е.А. Комментарий к Закону Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (постатейный) // www.consultant.ru.

41. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 409 с.

42. Манакова Т.А. Об изменениях, внесенных в Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // www.consultant.ru.

43. Шаронов С.А. «Некорпоративные проблемы корпоративных охранных организаций» // Юрист. – 2016. – № 12. – С. 41–46.

44. Шаронов С.А. «Особенности правового положения субъектов корпоративного отношения в частной охранной организации» / Гражданское право. – 2014. – № 4. – С. 22–25.

Для цитирования: Матюхин А.А., Комаров В.С., Ревнов Б.А. К вопросу о статусе учредителя (участника) частной охранной организации: статья // Теория государства и права. – 2022. № 3. С. 151–164.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.011

Anatoly A. Matyukhin *

Vladimir S. Komarov **

Boris A. Revnov ***

TO THE ISSUE OF THE STATUS OF THE FOUNDER (PARTICIPANT) OF A PRIVATE SECURITY ORGANIZATION

Annotation. *The article reveals the essence of some restrictions related to the status of the founder (participant) of a private security organization, as well as the impact of non-compliance with these restrictions on the organization itself. The article analyzes the legislative approach to regulatory regulation in this area, as well as the judicial practice devoted to this issue. Proposals are being put forward to improve regulatory regulation in this matter.*

The authors conclude that since security activities involve the use of physical force, and sometimes weapons, the possibility of creating their own security units created risks for commercial organizations to use such units not only to ensure the safety of their economic activities, but also to influence competing organizations. According to Federal Law No. 272-FZ of December 22, 2008, the creation of its own security units has become impossible.

* *Matyukhin Anatoly Alekseevich*, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor. E-mail: amatyukhin200@yandex.ru

** *Komarov Vladimir Sergeevich*, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, PEI VO "Legal Institute" (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6990-2588>. E-mail: wladskom@mail.ru

*** *Revnov Boris Aleksandrovich*, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Ph.D. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6668-6760>. E-mail: akziz07@yandex.ru

Theory of State and Law

Keywords: *a participant (founder) of a private security organization, a private security organization, the status of a participant (founder) of a private security organization, restrictions for a participant (founder) of a private security organization, "main activity" as a term, the main activity of an individual.*

In the theory of civil law, there is a clear understanding that state bodies and local governments do not have the right to participate on their own behalf in business partnerships and companies. Institutions may be participants in economic companies and investors in limited partnerships with the permission of the owner of the property of the institution, unless otherwise provided by law.

It should be noted that there are not so many areas in the Russian Federation where there would be restrictions on the participation of certain entities in business companies and, as a rule, such restrictions are always due to the unique specifics of the activities of such companies. So, in particular, restrictions on participation are established for the founders (shareholders, participants) of a credit rating agency [12, part 1, art. 6], an insurance medical organization [8, part 2 of Art. 14], a microfinance organization [14, part 1, art. 4.3], shareholders (participants) of the pawnshop [13, part 1, art. 2.2], founders (participants) of the organizer of trade [9, part 1, art. 7], the founder (co-founder) of the mass media [5, art. 7] and some others.

Similar restrictions are contained in the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities", which defines a closed list of entities that cannot be founders (participants) of a private security organization: public associations; individuals and (or) legal entities that do not meet the requirements specified in the fourth part of Article 15.1 of the said Law; citizens who are in the public service or who hold elective paid positions in public associations; citizens who have a criminal record for committing an intentional crime, as well as legal entities whose founders (participants) include these persons; foreign citizens, citizens of the Russian Federation who have the citizenship of a foreign state, stateless persons, foreign legal entities, as well as organizations whose founders (participants) include these citizens and persons, in the absence of an appropriate international treaty of the Russian Federation [6].

The Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities" in its original version did not limit the circle of entities that were entitled to be participants (founders) of private security companies and did not establish requirements for the activities of the founders (participants) of such enterprises. At the same time, Article 14 of the said Law allowed the creation by enterprises of any organizational and legal forms of separate divisions for the implementation of security and detective activities in the interests of the founder's safety. This rule allowed commercial organizations to create their own "security services", the activities of which were completely under their control. Since security activities involve the use of physical force and sometimes weapons, the possibility of creating their own security units created risks for commercial organizations to use such units not only to ensure the safety of their business activities, but also to influence competing organizations [6].

In the new edition of the said Law, the creation of their own security units became impossible [10, Art. 2]. According to the current version of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities in the Russian Federation", the provision of security services is carried out only by limited liability companies specially established for these purposes, and for the founders (participants) of such companies, this type of activity should be the main one [6, Part 1 Art. 15.1]. At the same time, for legal entities en-

gaged in activities other than security, the legislator separately stipulated the possibility of establishing a private organization in the manner established by the Government of the Russian Federation [15], while, although this Regulation refers specifically to the “establishment” of security organizations, the action The corresponding resolution of the Government of the Russian Federation, within the meaning of the law, should also apply to cases of participation of a legal entity in a security organization.

However, it seems that such a procedure cannot be extended to citizens due to a direct reference in the law to the founders-legal entities. Such a legal entity must be a strategic enterprise, a strategic joint stock company, a natural monopoly entity, a state corporation or a state company or a military Cossack society, and also justify the need to establish a security organization [15, p. 2, 3]. These restrictions on the founders (participants) of security organizations were established in order to prevent the creation and operation of affiliated security structures, as well as the use of security organizations contrary to the goals of security activities [39]. At the same time, this regulation itself contains uncertainty that does not allow to unambiguously determining the circle of subjects that cannot be founders (participants) of a private security organization.

It makes sense to explore this issue in more detail. The legal literature indicates the uncertainty of the established restrictions for the founders (participants) of private security organizations, and the authors offer different interpretations. For example, the uncertainty of the concept of “main activity” is noted and it is proposed to consider the main activity of a commercial organization as the one that has the greatest significance in the total volume of services at the end of the year; since a corporate security organization is established by a citizen only to provide security services, the process of providing them will be the main activity for him [43, 44]. There are other examples when the ambiguity of this concept for individuals is noted and options for its interpretation are proposed [42]. The few comments of the Law of the Russian Federation “On private detective and security activities in the Russian Federation”, as a rule, do not contain an interpretation of the second sentence of part four [40].

A literal reading and grammatical interpretation of part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation “On Private Detective and Security Activities” (which is referred to in paragraph 2 of part five of this article, which establishes the circle of persons who cannot be founders (participants) of a private security organization) leads to the conclusion that this norm establishes requirements for the founders (participants) of a private security organization – legal entities.

Thus, the first sentence refers to the impossibility of creating a private security organization as a subsidiary company by an organization engaged in activities other than security. The third sentence establishes that the right to establish a private security organization by a legal entity engaged in activities other than security may be granted if there are sufficient grounds in the manner established by the Government of the Russian Federation. The fourth sentence refers to branches of a private security organization. With this construction of this norm, it is logical to assume that its second sentence – “For the founder (participant) of a private security organization, this type of activity should be the main one” – is also addressed to legal entities, and not to citizens, and then the concept of “type of activity” acquires a fairly definite outline. However, this type of interpretation does not correspond to the meaning of the norm, which is given to it by the established law enforcement practice.

Strictly speaking, the provision of part four of Article 15.1 of the said Law of the Russian Federation contains concepts, the content of which, by virtue of the current legisla-

tion, cannot be disclosed in relation to a citizen who does not carry out entrepreneurial activity – “type of activity” and “main type of activity” [6].

In the Russian Federation, the All-Russian Classification of Types of Economic Activity is in force. The classifier is used, among other things, in solving problems related to the classification and coding of types of economic activity declared by economic entities during registration, as well as determining the main and additional types of economic activity carried out by economic entities [17].

An indication of the need to register business entities, considered in the system of current legal regulation, in particular, taking into account the provisions of the Federal Law “On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs” [11, Art. 5, 7.1, 22.2], allows us to conclude that the specified classification of types of economic activity and their division into main and additional ones are applicable only to those economic entities that are registered as such in the manner prescribed by law in the form of a legal entity or an individual entrepreneur. So, the Unified State Register of Legal Entities and the Unified State Register of Individual Entrepreneurs enter information on the types of economic activity of a person according to the specified All-Russian classifier, among which the main type of activity and (if any) additional types of activity are distinguished.

It can also be noted that for the purposes of setting insurance rates for compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases, the Rules for classifying types of economic activity as a class of occupational risk were developed, according to which [16] the main type of economic activity of a commercial organization is the type that according to the results of the previous year, it has the largest share in the total volume of products manufactured and services rendered; the main type of economic activity of a non-profit organization is the type in which, according to the results of the previous year, the largest number of employees of the organization were employed; the main type of economic activity of the insured – an individual who employs persons subject to compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases, corresponds to the main type of activity indicated in the Unified State Register of Individual Entrepreneurs.

In relation to a citizen – an individual, the current civil legislation does not establish the obligatory definition of such a concept as “the main type of his activity”. At the same time, it is obvious that the concept of “main place of work”, defined taking into account the provisions of the Labor Code of the Russian Federation, is not identical.

Meanwhile, the Civil Code of the Russian Federation [3, p. 5 Art. 66] and the Federal Law “On Limited Liability Companies” [7, p. 1, art. 7] give both citizens and legal entities the opportunity to be members of society. These provisions, considered in the system of current legal regulation, allow us to conclude that any citizen, becoming a member of a limited liability company, acquires this status precisely as an individual, i.e. regardless of the status of an individual entrepreneur.

At the same time, it is necessary to take into account the different nature of the activities carried out by a citizen as an individual and as an individual entrepreneur. Entrepreneurial activity is an independent activity carried out at one's own risk, aimed at systematically making a profit from the use of property, the sale of goods, the performance of work or the provision of services [3, p. 1, art. 2]. In principle, such a definition of entrepreneurial activity (in particular, the criterion of systematicity) implies a fairly high degree of involvement of a person in its implementation. However, this does not mean that this activity is the main one for a citizen. When evaluating such criteria as labor costs, time, income level, etc., it is possible that the main activity of a citizen will be, for example, labor activity.

Participation in a limited liability company cannot in itself be regarded as an entrepreneurial activity; it refers to other economic activities not prohibited by law [18, p. 4.2; 20, item 2.2]. Moreover, participation in a limited liability company, in fact, may not be some kind of active activity. In fact, this is a set of certain rights of a member of the company, which he exercises from time to time, as a rule, at regular or extraordinary meetings of the company. A member of the company may not take an active part in the current activities of the company, for this there is a management (management) of the company.

A commercial organization is an independent subject of law, different from its participants. The basis of the constitutional and legal status of participants in economic companies is the right to freely use their abilities and property for entrepreneurial and other economic activities not prohibited by law; at the same time, the activities of shareholders (participants) are not entrepreneurial (it refers to other economic activities not prohibited by law) – entrepreneurial activities are carried out not by the participants as such, but by the organization itself [18, p. 4.2].

So, participation in the authorized capital of a commercial organization in itself cannot be regarded as an entrepreneurial activity. Therefore, the interpretation raises certain theoretical questions, which identifies the activities of the organization and its participants, especially with the presentation of the latter requirement that for a participant in a private security organization this type of activity should be the main one, since security activities are carried out not by the participant, but by the organization itself.

In addition, the restrictions arising from the fourth part of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation “On Private Detective and Security Activities” affect not only the right to carry out other economic activities, but the free choice of type of activity and profession [1, part 1 of Art. 37; 41], and the free use of their abilities and property for entrepreneurial and other economic activities not prohibited by law by citizens who are founders (participants) of security organizations [1, part 1, art. 34; 41]. This regulation creates obstacles for the founders of such organizations to engage in other activities (individual entrepreneurial or labor).

Accordingly, in a situation where a legal entity cannot engage in private security activities due to the participant performing a different type of activity, such a participant is faced with a choice: stop individual entrepreneurial (or other) activities or stop the security activities of a legal entity. At the same time, in favor of the fact that in this case the right of a citizen to carry out economic activities by creating a legal entity is limited, it is the legal entity that bears the adverse consequences in the form of bringing to administrative responsibility and suspension of the license, and the founder (participant) himself – nothing prevents a natural person from continuing his entrepreneurial activity or work under an employment contract, i.e. his rights are limited as a member of a legal entity, and not as an individual entrepreneur or employee.

If you look at the emerging picture from the perspective of a legal entity, the situation appears in another interesting vein. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, among other things, establishes that, when considering a case on bringing to administrative responsibility, the arbitration court in a court session determines whether there are grounds for bringing to administrative responsibility a person in respect of whom a protocol on an administrative offense has been drawn up [2, part 6 of Art. 205]. At the same time, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation expressly provides that a legal entity is found guilty of committing an administrative offense if it is established that it had the opportunity to comply with the rules and norms, for the violation of which the said Code or the laws of the constituent entity of the Russian Federation provide

for administrative liability, but this person did not take all measures depending on him to comply with them [4, part 2, art. 2.1].

However, theoretically, a private security organization is threatened with the possibility of bringing to administrative responsibility (for carrying out entrepreneurial activities in violation of the requirements and conditions provided for by a special permit (license) [4, part 3, article 14.1]) because one of its participants (founders), that is, a legally different entity, is, for example, also the founder of another legal entity whose main activity is not security, or is an individual entrepreneur.

Meanwhile, the legislation of the Russian Federation, including the Federal Law "On Limited Liability Companies", does not contain rules that allow a limited liability company to oblige its participants to alienate their share, or otherwise terminate their participation in such a company, on the contrary, the legal relations of the company and its participants are actually in the nature of the subordination of the society to the will of its participants, the binding decisions of the participants for the society.

Approximately with such a heap of problems a particular law enforcer will have to face when resolving the issue. Any analysis of the norm would not be complete without studying its interpretation used in law enforcement practice.

With regard to citizens-founders (participants) of security organizations, the requirement established by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities in the Russian Federation" to carry out security activities as the main type of activity by the courts, as a rule, is interpreted as prohibiting a citizen from engaging in any activity other than security.

Thus, in relation to a security organization, the authorized body issued an order to eliminate violations of licensing requirements expressed in the fact that the founder of this organization is simultaneously the founder of a limited liability company and a public organization that does not carry out security activities [27]. The Supreme Court of the Russian Federation stated the legality of this order and confirmed the conclusions of the lower courts that the citizen-founder (participant) of a security organization should not engage in activities other than security services.

This approach can be called well-established in the practice of lower arbitration courts, which is confirmed by the following examples.

The Arbitration Court of the Urals District overturned the decisions of the lower courts and recognized as lawful the decision of the authorized body to refuse to reissue the license of a private security organization. This refusal was associated with a violation by the security organization of licensing requirements, which resulted in the fact that its founder is the founder of other organizations, and is also registered as an individual entrepreneur [33]. By a ruling of the Supreme Court of the Russian Federation, the applicant in the case was denied the transfer of the applicant's cassation appeal for consideration in a judicial session of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation [28]. At the same time, the courts of first and appeal instances noted that participation as a founder in other organizations and having the status of an individual entrepreneur do not matter for establishing whether security is the main activity for a citizen. The courts also pointed out the uncertainty of the provisions of part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities", since in relation to a citizen who is a founder (participant) of a security organization, the concept of "main activity" in the legal relations in question is not applicable, and the concept of "the main type of activity of an individual" is not disclosed in the legislation [34].

By the decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory, a private security organization was brought to administrative responsibility, provided for in part 3 of article 14.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in the form of a warning, since the sole founder of this organization (a citizen) also works as a deputy general director in a joint-stock company whose main activity is production mineral heat and sound insulating materials and products [38]. The court found that the main activity of the citizen-founder of a security organization is not the implementation of private security activities, as established by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities", but the implementation (as a head) of the production of mineral heat and soundproof materials and products.

The Arbitration Court of the West Siberian District also agreed with the bringing to administrative responsibility of a security company under part 3 of Article 14.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation under the same circumstances (for the founder of a company, private security activity is not the main one) [31].

The Arbitration Court of the Far Eastern District agreed with bringing the security organization to administrative responsibility, since it admitted that an individual was among its founders, who at the time of the audit was the founder of other organizations whose codes and names of activities did not contain an unambiguous conclusion that their activities are not intended to make a profit [29]. The same court considered it legal to bring the security organization to administrative responsibility, since its founder worked as a welder-fitter in another organization, which was regarded as the implementation of a different, and not security, activity as the main one [30].

It should be noted that a different approach is found in judicial practice. In particular, the courts indicate the following [36, 37]:

- the creation by the founding citizen of a security organization of another legal entity and participation in it are not prohibited by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities";
- the interpretation of this provision also does not allow to derive such a ban;
- there are no grounds for identifying the concepts of the main type of activity of a citizen and the establishment of a legal entity (participation in it).

It should be noted that in the practice of this court there are also opposite decisions, in which the fact that the founder of a security organization is also the founder of a number of public associations was recognized as a violation of the fourth part of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities" [35].

It also follows from the above court decisions that the security organization itself (for violating license requirements), and not the participants (founders) themselves, is brought to administrative responsibility for non-compliance with the restriction established by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities" such an organization. Such inconsistency was noted by the Arbitration Court of the Volga District, which declared illegal the order to eliminate violations of license requirements issued by a private security organization. The Arbitration Court emphasized that an official's order containing legal requirements must be realistically executable and contain specific instructions, clear wording regarding specific actions that need to be performed by the performer, and which should be aimed at stopping and eliminating the identified violation, however, in the case under consideration, execution prescription does not depend on the security organization, but on its founder [32]. Thus, it can be recognized that the courts, as a rule, clearly understand the established restrictions for

the founders (participants) of private security organizations. Separate judicial decisions, in which they are given the opposite interpretation, are exceptions that have not received support in the practice of other courts.

The situation is somewhat clarified by the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, which, after a number of rulings [24] on the refusal to accept complaints for consideration on formal grounds, issued a meaningful ruling [21, p. 2.1], resolving a number of questions raised, in particular, emphasizing what of the constitutional guarantees of freedom of economic activity [1, part 1, art. eight; 41] and the right of everyone to freely use their abilities and property for entrepreneurial and other economic activities not prohibited by law [1, part 1 of Art. 34; 41] implies not only the right of a citizen to a free choice of activity, but also his consent to certain restrictions, if the activity he has chosen has special specifics, and its implementation is regulated by special rules. Simply put, a member (founder) of a private security organization, like state civil servants [19, p. 3] or judges [26, p. 2], independently and voluntarily agrees with the restrictions of the work, the activity that he voluntarily chooses. At the same time, the concept of "main type of activity" used in the norm, taking into account the absence of its legal definition, was classified as evaluative, which in itself does not indicate the inadmissibility or viciousness of such regulation, taking into account the fact that in each specific case the final content of this the concept is determined by the law enforcer (by analogy with the concept of insignificance [4, art. 2.9], for example [22; 23; 25, p. 2 part 25]).

The question of the society's ability to take actions aimed at fulfilling the imputed public legal obligations also received a general explanation, including through the recognition of the obvious actual dependence of the will of the society itself on the will of its participants. After all, if we allow the possibility of throwing such a "bridge" between two formally different and independent categories of subjects (the society itself and its founders), then the mechanism of influence emerges as the possibility of other founders (participants) of a private security organization, whose shares in the aggregate amount to at least ten percent of the authorized capital of the company, to demand in court the exclusion from the company of the founder (participant) who grossly violates his obligations or by his actions (inaction) makes the company's activities impossible or significantly complicates it (avoids abandoning other core activities or, within the framework of his choice, avoids leaving the founders (participants) of the company) [7, Art. ten]. Accordingly, the inaction of other participants in this regard indirectly confirms their attitude to compliance, or rather, non-compliance by another participant with the established restrictions, as a result of which the society itself suffers, the beneficiaries of whose actions they are ultimately (in practice). If such a society has one participant (founder), then again, in practice, their expressions of will, in principle, cannot diverge, respectively, and the negative consequences of making any decisions, albeit proportionally, fall on both subjects.

In essence, this type of interpretation has already been used by the courts before, but without deciphering the connection between the participant and the society itself in the court decisions.

At the same time, the constitutional permissibility of the established regulation and the possibility, through a complex interpretation and analysis of law enforcement practice, to clarify the absence of uncertainty on the issue of the existence of specific restrictions for participants (founders) of private security organizations, does not mean that the current regulation cannot be improved, leaving it unchanged essence of the question, however, setting out the established requirements in a simpler and more understandable way.

Taking into account the specifics of the activity, the Law of the Russian Federation “On Private Detective and Security Activities” already provides enough restrictions for employees of a private security organization [6, Art. 12] and for its leader [6, parts 7 and 8 of Art. 15.1], and therefore, in this regard, the restrictions for the participants (the founders of such an organization do not look like something unexpected, disproportionate, or do not fit into the “general line”. At the same time, for example, to restrict the head of a private security organization, they directly affect his constitutional the right to work, establishing a ban on engaging in any activity under an employment contract, with the exception of scientific, teaching and other creative activities.

Thus, for example, if part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation “On Private Detective and Security Activities”, or rather, not even the entire provision, but only the second sentence of the paragraph, would be reworked in such a way as to establish a clear prohibition on the founder (participant)) a private security organization of any other business or labor activity, coupled with a ban on participation in any other legal entities, regardless of their organizational and legal form – the resolution of many issues would not require such a deep analysis of the norms and such a complex interpretation.

Such a categorical ban is given as an example, yet it seems that, despite all the specifics of the activity, such severe restrictions would be unnecessary. It would be more appropriate and expedient, by analogy with the restrictions imposed on the head of a private security organization, to establish a general ban on filling government positions in the Russian Federation (subjects of the Russian Federation), positions in the state (municipal) service, elected paid positions in public associations, and also join into labor relations as an employee, with the exception of his scientific, teaching and other creative activities [6, part 8 of Art. 15.1] – if these types of activities are allowed to the head of a private security organization, it would be strange to prohibit them for the participants (founders) of such an organization. At the same time, the ban on participation in any other legal entities should also be written more specifically.

In other words, the second sentence from the fourth part of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation “On Private Detective and Security Activities” could be deleted, and added to the eighth part after the word “Head” by putting a comma “Founder (participant)”. Also, add part eight with a separate proposal to prohibit the participation of founders (participants) of a private security organization in any other legal entities, regardless of the legal form of the latter.

It raises questions about the expediency of a separate mention in the law of the mechanism of influence of “bona fide” participants (founders) on a negligent one who is engaged in some other type of activity that can be recognized by the courts as the main one (thus creating, taking into account the established law enforcement practice, the basis for negative consequences for the entire security organization). On the one hand, the mechanism is theoretically derived from the provisions of the Federal Law “On Limited Liability Companies” [7, art. 10], on the other hand, taking into account, again, law enforcement practice, apparently, this mechanism is not obvious, and a separate emphasis on such a possibility, along with an unambiguous consolidation of the distribution of responsibility, does not seem superfluous.

Will the proposed changes change something radically in the already existing regulation? Radically, probably not. However, a significant part of both theoretical and practical issues related to both the status of the founder (participant) of a private security organization and the legal status of such an organization itself will be removed. And the proposed

changes will add certainty in legal relations, making the established ones easier to understand, without the need to study a weighty array of law enforcement practice.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // <http://www.pravo.gov.ru>, 07/04/2020.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. one.
5. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-1 "On the Mass Media" // Rossiyskaya Gazeta, 1992, August 8.
6. Law of the Russian Federation of March 11, 1992 No. 2487-1 "On private detective and security activities in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, 1992, April 30.
7. Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 7. Art. 785.
8. Federal Law of November 29, 2010 No. 326-FZ "On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 49. Art. 6422.
9. Federal Law of November 21, 2011 No. 325-FZ "On Organized Auctions" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6726.
10. Federal Law of December 22, 2008 No. 272-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of State Control in the Sphere of Private Security and Detective Activities" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (part 1). Art. 6227.
11. Federal Law of August 8, 2001 No. 129-FZ "On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (part I). Art. 3431.
12. Federal Law No. 222-FZ dated 13 July 2015 "On the Activities of Credit Rating Agencies in the Russian Federation, on Amending Article 76.1 of the Federal Law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" and Recognizing Certain Provisions of Legislative Acts as Invalid Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (part I). Art. 4348.
13. Federal Law of July 19, 2007 No. 196-FZ "On Pawnshops" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 31. Art. 3992.
14. Federal Law of July 2, 2010 No. 151-FZ "On microfinance activities and microfinance organizations" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 27. Art. 3435.
15. Decree of the Government of the Russian Federation of February 24, 2010 No. 82 "On approval of the Rules for granting the right to establish a private security organization by a legal entity engaged in activities other than security" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 9. Art. 972.
16. Decree of the Government of the Russian Federation of December 1, 2005 No. 713 "On approval of the Rules for classifying types of economic activity as a class of professional risk" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 50. Art. 5300.

17. All-Russian classifier of types of economic activity (OKVED 2) OK 029-2014 (NACE Rev. 2) (adopted and put into effect by order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated January 31, 2014 No. 14-st) // <https://classifiers.ru/okved>.

18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 27, 2012 No. 34-P on the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph "c" of part one and part five of Article 4 of the Federal Law "On the status of a member of the Federation Council and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" in connection with the request of a group of deputies of the State Duma // Collection of Legislation of the Russian Federation, January 7, 2013, No. 1, art. 78.

19. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 30, 2011 No. 14-P on the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 10 of part 1 of Article 17 of the Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" and Article 20.1 of the Law of the Russian Federation "On the Police" in connection with complaints from citizens L.N. Kondratieva and A.N. Mumolina // Collection of Legislation of the Russian Federation, July 11, 2011, No. 28, Art. 4261.

20. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 25, 2010 No. 11-P on the case of checking the constitutionality of paragraph ten of Article 2 of the Law of the Russian Federation "On Employment in the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen N.I. Gushchina // Collection of Legislation of the Russian Federation, June 7, 2010, No. 23, art. 2934.

21. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 30, 2021 No. 2115-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of the limited liability company Private Security Company Skala on violation of its constitutional rights by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and security activities in the Russian Federation" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed December 6, 2021).

22. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 27, 2021 No. 1127-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ivanyuta Yuri Panteleevich about the violation of his constitutional rights by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On private detective and security activities in the Russian Federation" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed December 7, 2021).

23. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 29, 2020 No. 2369-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Lyubov Nikolaevna Pustova about the violation of her constitutional rights by parts four and six of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On private detective and security activities in of the Russian Federation" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed December 7, 2021).

24. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 9, 2020 No. 813-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Andrey Vyacheslavovich Shepel about the violation of his constitutional rights by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On private detective and security activities in the Russian Federation" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed December 7, 2021).

25. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 28, 2018 No. 1650-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ivanov Vladimir Gennadievich about the violation of his constitutional rights by article 2.9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, as well as paragraph 21 of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On some issues arising from the courts in the application of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed 8 December 2021).

26. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 18, 2006 No. 191-0 "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexandra Evgenievna Koroleva about the violation of her constitutional rights by article 13 of the Law of the Russian Federation "On the status of judges in the Russian Federation" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed December 7, 2021).

27. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of September 18, 2019 No. 303-ES19-15254 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (Accessed on December 4, 2021).

28. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of November 13, 2018 No. 309-KG18-18623 in case No. A76-21713/2017 / Official website of the Supreme Court of the Russian Federation // <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (Date accessed December 4, 2021).

29. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated April 8, 2021 No. F03-585/2021 in case No. A51-13256/2020 // Official website of the Arbitration Court of the Far Eastern District // <https://fasdvo.arbitr.ru/> (Date of access 4 December 2021).

30. Decree of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated July 22, 2011 No. Ф03-3109/2011 // Official website of the Arbitration Court of the Far Eastern District // <https://fasdvo.arbitr.ru/> (Accessed December 4, 2021).

31. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of September 18, 2020 No. F04-3593/2020 in case No. A70-659/2020 // Official website of the Arbitration Court of the West Siberian District // <https://faszso.arbitr.ru/> (Accessed 4 December 2021).

32. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated August 9, 2017 No. Ф06-23140/2017 // Official website of the Arbitration Court of the Volga District // <https://faspo.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

33. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated July 23, 2018 No. Ф09-4190/18 // Official website of the Arbitration Court of the Urals District // <https://fasuo.arbitr.ru/> (Accessed December 4, 2021).33.

34. Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated April 12, 2018 No. 18AP-3086/2018 // Official website of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal // <https://18aas.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

34. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of July 17, 2018 No. 13AP-14068/2018 // Official website of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal // <https://13aas.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

35. Decision of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of November 23, 2018 No. 13AP-23075/2018 // Official website of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal // <https://13aas.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

36. Decision of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of March 20, 2018 No. 13AP-889/2018 // Official website of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal // <https://13aas.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

37. Decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory of June 6, 2016 in case No. A32-13469/2016 // Official website of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory // <https://krasnodar.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

38. Explanatory note to the Draft Law No. 495510-4 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of State Control in the Sphere of Private Security and Detective Activities (On the Issue of Private Security and Detective Activities)" // SOZD of the State Duma of the Russian Federation // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/495510-4> (date of access: 01.12.2021).

39. Ermolaev A.V., Kopylova E.A. Commentary to the Law of the Russian Federation of March 11, 1992 No. 2487-1 "On Private Detective and Security Activities in the Russian Federation" (item-by-article) // www.consultant.ru.

40. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 409 p.

41. Manakova T.A. On amendments to the Law of the Russian Federation "On private detective and security activities in the Russian Federation" //www.consultant.ru.

42. Sharonov S.A. "Non-Corporate Problems of Corporate Security Organizations"// Lawyer. 2016. No. 12. P. 41–46.

43. Sharonov S.A. "Peculiarities of the legal status of subjects of corporate relations in a private security organization" / Civil law. 2014. No. 4. P. 22–25.

For citation: *Matyukhin A.A., Komarov V.S., Revnov B.A.* On the issue of the status of the founder (participant) of a private security organization: article // Theory of State and Law. 2022. No. 3. P. 164–176.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.011